

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

Рамиль Миргасимович Валеев

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Сборник статей к 70-летию Рамиля
Миргасимовича Валеева

Издательство Арт-Экспресс
Санкт-Петербург — Казань
2025

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
П 42

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института восточных рукописей РАН

Научное издание

Р е ц е н з е н т ы :

Доктор исторических наук Р. А. Набиев
Кандидат философских наук Т. В. Ермакова

Поворот на Восток. Сб. статей к 70-летию Рамиля Миргасимовича
Валеева / Сост. Т. А. Пан. Санкт-Петербург, Арт-Экспресс, 2025. — 564 с., илл.

ISBN 978-5-4391-1035-3
DOI: 10.48612/IVRRAN/ke4v-9zxe-f3u6

Сборник посвящен 70-летию доктора исторических наук, профессора Рамиля Миргасимовича Валеева — историка, преподавателя, крупнейшего в Татарстане специалиста по истории российского востоковедения, архивов и книжных собраний. В сборник вошли статьи его коллег, посвященные истории китаистики, маньчжуроведения, истории Ближнего и Среднего Востока, музейных и книжных коллекций, биографиям и переписке известных ученых, связанных с востоковедением в Казани. Кроме того, в сборнике затронуты вопросы взаимоотношения России и Востока, включая сюжеты, касающиеся истории, культуры и науки Татарстана.

Сборник рассчитан на всех интересующихся достижениями отечественного востоковедения.

© ИВР РАН, 2025

© КФУ, 2025

ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти», 2025

© Коллектив авторов, 2025

ISBN 978-5-4391-1035-3

© Издательство «Арт-Экспресс», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление	7
<i>Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова.</i> Профессор и коллега Рамиль Миргасимович Валеев: эскиз научной биографии	19
Библиография научных и учебных работ профессора Р.М.Валеева. . . .	48
<i>В.Г. Дацышен.</i> Изучение истории Китая на Академическом этапе истории русского китаеведения	139
<i>Tatiana A. Pang.</i> The Manchu Studies in Russia in the 18 th –19 th Centuries	172
<i>Ю.Г. Благодар.</i> Роль российских печатных изданий в распространении знаний о Китае (XIX — начало XX вв.)	197
<i>И.В. Кульганек.</i> Три труда О.М. Ковалевского по монгольской филологии	218
<i>В.Л. Успенский.</i> О.М. Ковалевский о католичестве в Китае	230
<i>Д.А. Носов.</i> Столетие русского «рекогносцировочно-разведывательного» исследования Монголии: 1828–1928 гг.	243
<i>Гульджан Иналджик, Окан Ешилот.</i> Отчет Николая Федоровича Катанова о поездке в Минусинск (1896 г.)	253
<i>Hartmut Walravens.</i> Letters from Samuel Butler (1774–1839) to Julius Klaproth (1782–1835)	264
<i>И.Ф. Попова.</i> Неизданный сборник статей «Восточный Китай». Обзор содержания	273
<i>Н.А. Самойлов.</i> Русская почта в Китае и Османской империи в конце XIX — начале XX в.	290
<i>М.А. Козинцев.</i> К оценке научного наследия И.Н. Березина в советском востоковедении: очерк Б.М. Данцига	302
<i>Д.Е. Мартынов.</i> Доуве Фоккема: постмодернизм и китайская утопия	331
<i>Л.А. Сыченкова.</i> Типологические особенности крымско-татарской архитектуры в наследии российского востоковеда Б.А. Денике	350

<i>И.В. Герасимов.</i> Две арабские рукописи из наследия Ризаэтдина Фахретдинова в Архиве востоковедов ИВР РАН	379
<i>А.А. Арсланова, Н.Б. Пазина.</i> Материалы к неосуществленному каталогу персоязычных рукописей в коллекции Казанского Императорского университета (до 1855 г.) по черновикам профессора И. Ф. Готвальда (1813–1897 гг.)	392
<i>Ю.И. Дробышев.</i> Образ Чингис-хана в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина	421
<i>А.Ш. Кадырбаев.</i> Тюрки Дешт-и-Кыпчака и их взаимоотношения с соседними народами накануне монгольского нашествия	439
<i>Б.Л. Хамидуллин.</i> Казанское государство — цельная этнополитическая общность народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья XV–XVI вв.	462
<i>И.Л. Кызласов.</i> Выделение земель для манихейских монастырей и храмов (Новое прочтение седьмой строки Суджинской стелы)	490
<i>С.А. Французов.</i> Персидские глоссы у ад-Дйнаварй	522
<i>Н.Н. Дьяков.</i> Алжир: война миллиона мучеников. К 70-летию начала освободительной войны в Алжире (1954–1962)	529
<i>С.А. Кириллина, В.Е. Смирнов.</i> Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии реформы высшей школы	545
Список авторов	559

Ю. И. Дробышев

Институт востоковедения РАН

DOI: 10.48612/IVRRAN/8pbk-x9nd-tmz3

ОБРАЗ ЧИНГИС-ХАНА В «СБОРНИКЕ ЛЕТОПИСЕЙ» РАШИД АД-ДИНА

Аннотация. В статье анализируется образ Чингис-хана, запечатленный в одном из важнейших источников по истории Монгольской империи — «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. Несмотря на то, что это произведение было создано спустя несколько десятилетий после смерти великого хана, содержащиеся в нем сведения, в целом, заслуживают доверия, так как они были почерпнуты из более ранних источников, а также из рассказов авторитетных знатоков монгольской старины. Состоя на службе ильханов, автор предсказуемо не избежал преувеличений заслуг и умалчиваний недостатков своего героя, и создал его несколько идеализированный образ, но при этом он сумел изобразить Чингис-хана, к тому времени уже превратившегося в легенду, как реальную, сильную, целеустремленную личность. Рашид ад-Дин подчеркивает поддержку Высших сил, которая оказывалась Чингис-хану на протяжении всей его жизни, и убеждает своего читателя в том, что его победы были предопределены, а поражение врагов было неизбежным, причем наделяет его целым рядом положительных качеств, а противников изображает незаконными узурпаторами. По-видимому, характеристики Чингис-хана в «Сборнике летописей» близки к истине. Они перекликаются со сведениями из других источников. Историк также приводит поучения хана, из которых явствуют его взгляды на власть, и много других материалов, касающихся различных сторон жизни и деятельности Чингис-хана от его рождения до смерти.

Знаменитый персидский историк и политический деятель Фазлуллах Рашид ад-Дин Хамадани (1247–1318) оставил среди своего творческого наследия самый информативный источник сведений о Монгольской империи — «Сборник летописей», над которым он работал в годы правления ильханов Газана (1295–1304)

и его брата Олджейту (1304–1316). Помимо богатейшей информации о предыстории и истории империи, он зафиксировал многочисленные рассказы и легенды о ее основателе — Тэмучжине/Чингис-хане¹. Из своих источников он называет, в частности, некий «Золотой свиток» («Алтан дафтар»), хранившийся в ханской сокровищнице², под которым исследователи иногда понимают дошедшее до нас в китайском переводе произведение «Шэн-у цинь-чжэн лу» («Описание личных походов священно-воинственного [императора Чингиса]»), видимо, основанное на «Сокровенном сказании монголов». Кроме того, автор имел в своем распоряжении целый ряд других сочинений, в том числе «Историю завоевателя мира» Ата-Мелика Джувейни (1226–1283) и «Полный свод истории» Ибн ал-Асира (1160–1234), а также монгольских информантов — прекрасных знатоков своей истории. Разумеется, критические выпады против Чингис-хана, которые мог себе позволить, например, другой известный персидский историк, Сирадж ад-Дин ал-Джувзджани (1193 — после 1260), у Рашид ад-Дина отсутствуют, вместо чего вполне закономерно его текст изобилует славословиями в его честь. Попробуем разобраться, насколько созданный Рашид ад-Дином образ великого кочевника реалистичен, а в какой мере он трафаретно изображает идеального восточного монарха и, следовательно, можно ли доверять полученному в результате словесному портрету Чингис-хана. Мы основываемся на русском академическом переводе «Сборника летописей».

Рашид ад-Дин датирует рождение Чингис-хана 1155-м годом, в чем он расходится с датой, принятой в китайской историографии, — 1162 г.; год смерти тот же, т.е. 1227-й. Широко распространенное мнение, что Чингис-хан был светловолос

¹ Ниже он именуется только Чингис-ханом независимо от того, обрел ли он к тому времени это прозвище или еще нет. В цитатах из «Сборника летописей» мы сохраняем написание «Чингиз-хан».

² *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1* / Пер. Л. А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 180; *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2* / Пер. О. И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 16, 21.

и имел синие глаза, основывается, в том числе, и на свидетельстве Рашид ад-Дина, что кият-борджигины, из которых происходил отец Чингис-хана Есугэй-бахадур, отличались этими чертами — «знаком царской власти детей Алан-Гоа»³. Уже при рождении «на скрижали его чела [были] явными знаки завоевания вселенной и миродержавия, а от его лика исходили лучи счастливой судьбы и могущества», а в ладошке он держал сгусток крови⁴ — знамение того, что он станет великим завоевателем». Об этом сгустке говорит и «Сокровенное сказание монголов»⁵.

По-видимому, стереотипный эпитет Чингис-хана «Завоеватель мира» Рашид ад-Дин заимствовал у Джувеини, у которого он также взял мощный пласт информации о Западном походе монголов в 1219–1224 гг. Собственно говоря, этот поход и его дальнейшие последствия, вылившиеся в установление монгольской власти в Иране, Ираке, Закавказье и Малой Азии, для мусульманских историков той эпохи были равнозначны покорению монголами «всего мира», тем более, что они имели довольно хорошее представление об их колоссальных военных успехах также на Дальнем Востоке, в Дешт-и Кипчаке и Восточной Европе. Поэтому названный эпитет оказался вполне уместным. Но какая личность скрывается за ним? Каким выглядел Чингис-хан в глазах тех, кто никак не мог лицезреть его лично?

Как перед любым придворным историком, перед Рашид ад-Дином стояла задача продемонстрировать полную и неоспоримую легитимность правления своих покровителей — ильханов, сообразно чему он обязан был показать абсолютную законность претензий на власть их предка — Чингис-хана, все

³ *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 48.* Когда в 1215 г. родился Хубилай — будущий основатель монгольской династии Юань в Китае (1272–1368), Чингис-хан якобы произнес: «Все наши дети рыжие, а этот мальчик черномазый» (*Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 153.*)

⁴ *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 75.*

⁵ *Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. § 59.*

военные предприятия которого, конечно же, были совершенно справедливыми. Во введении к «Сборнику летописей» он изображает Чингис-хана как борца с незаконными, гордыми, нечестивыми врагами, которых сравнивает с известными отрицательными персонажами Корана и иранской мифологии: «Он истребил и уничтожил [своим] могуществом большинство непокорных, по природе [равных жестокому] фараону, а образом жизни — [нечестивому] Заххаку, из коих каждый, дыша ветром гордыни, думал [о себе]: “лишь один я и нет никого другого, [кроме меня]!”». Он сделал мир одним [государством], а сердца [его обитателей] единомышленными; очистив яйцо территории государств от власти тиранов-узурпаторов и от жестокости наглых захватчиков, он оставил их своему именитому роду и [своим] великим преемникам. Благоприятное влияние небес заключило с ними вечный союз и бесконечно нерушимый договор»⁶. Да и могло ли быть иначе у того, чьи предки произошли от небесного посланца, являвшегося Алан-Гоа: «Он [творец] сделал чистое чрево Алан-Гоа раковиной драгоценной жемчужины существования Чингиз-хана и создал в ней сущность его особы из чистого света»⁷!

Масштабы разрушений и человеческих жертв, сопровождавших походы Чингис-хана и его сыновей, не могли быть секретом для Рашид ад-Дина. Он не только достаточно подробно рассказывает о поголовной резне целых городов, но и вполне справедливо резюмирует: «Путем исследования летописей и путем сравнения постигнутого разумом не остается скрыто, что никогда страны не были более опустошены, чем в эти годы, особенно те места, куда приходило монгольское войско, ибо со времени появления человека, ни одному государю не удалось покорить столько владений, сколько завоевал Чингиз-хан и его род, и столько народа, сколько они поубивали, никто не убил»⁸.

⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 65.

⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 13.

⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. А.К. Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 308.

Несмотря на то, что в целом ряде случаев он показывает монголов как агрессивных и безжалостных, виноватыми в их агрессии неизменно оказываются их противники, а в роли мстителя и восстановления нарушенного порядка выступает Чингис-хан. Ретроспективно его деяния преподносятся Рашид ад-Дином так, чтобы у читателя не возникало и тени сомнения в высшей справедливости, воплощенной в этом человеке, уже при жизни фактически превратившемся в легенду.

В принятой автором системе нравственных координат противником Чингис-хана не может оказаться благородный правитель, поэтому все разбитые им враги сами виноваты в своей гибели, следовательно, покорение им чужих земель и подчинение (и даже уничтожение) прежних господствовавших династий всецело оправданно. Чингис-хан несет в мир не разорение, а порядок: он «замиряет», «устраняет смуту», «обуздывает гордых» и т.п.⁹ Поэтому всякий, кто претендует на независимость, автоматически становится смутьяном и узурпатором, и должен быть наказан. По сути, персидский историк воспроизводит идеологические устои Монгольской империи, согласно которым в мире лишь одно оно является законным государством¹⁰. И хотя ко времени составления «Сборника летописей» среди Чингисидов давно уже не было единства, они продолжали держать крепкую власть над огромными просторами Евразии, причем юаньские хаганы — Хубилай (1260–1294) и Тэмур (1294–1307) показаны в качестве старших по отношению к правителям как Ильханата, как и Улуса Джучи.

Сформулированная Рашид ад-Дином чингисидская политическая программа подается читателям как навеки одобренная Свыше, и в этом она ничем не отличается от убеждений самих монгольских хаганов, как это известно из различных источников. Де-факто произошедшая силой оружия легитимация монгольской власти подкрепляется религиозной легитима-

⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 61.

¹⁰ Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to the European Powers, 1245–1255 // Byzantion. Vol. XV. Boston, 1941. P. 378–413.

цией, причем до Рашид ад-Дина это сделал уже Джувейни¹¹, а в «Сокровенном сказании» неоднократно утверждается устами самого Чингис-хана, что он спасался от врагов и добивался побед с помощью небесной силы¹². Этот взгляд принят и Рашид ад-Дином, обычно именуя монгольское Вечное Небо «всевышней истиной» или «всевышним богом», неуклонно помогающим своему избраннику¹³. И даже трудности были ниспосланы Чингис-хану неспроста — они закаляли характер будущего вселенского властелина: «Положение Чингиз-хана неоднократно становилось плохим, несколько раз племена тайджиут использовали благоприятный случай [напасть] на него и заключали его в оковы, а всевышняя истина спасала его [из этих положений]. Так как извечно воля всевышнего бога была такова, чтобы он [Чингиз] стал государем вселенной, он мало-помалу развивался, дабы быть в состоянии одолеть путем выдерживания тягот и перенесения трудностей тяжкие дела, а когда достигнет сладости царствования и спокойствия, познал бы меру того великого благодеяния и выполнил бы условия проявления благодарности [творцу]»¹⁴.

Вне всякого сомнения, Чингис-хан в «Сборнике летописей» — мудрый создатель государства из клубка без конца враждовавших племен, который все свои силы прилагает для расширения и укрепления подвластных ему территорий. Этой цели подчинены его внешне- и внутривластные шаги, а ограбление соседних народов и массовые убийства, в т.ч. женщин и детей, разрушение городов, осквернение храмов и тому подобное — лишь неизбежные побочные эффекты его справедливых войн. Приписываемая ему фраза «Врагу госу-

¹¹ *Juvaini, Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Trans. by J. A. Boyle. Vol. I–II. Manchester: Manchester University Press, 1958. P. 4–19.*

¹² *Козин С.А. Указ. соч. § 80, 113, 125, 187, 199, 208, 256, 265, 267.*

¹³ *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 126; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 22, 64, 86.*

¹⁴ *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 65.*

дарства нет лучшего места, чем могила!»¹⁵ как нельзя лучше характеризует его прагматичный подход к укреплению своей власти, хотя, разумеется, мы никогда не сможем доказать ее подлинность. Он показан как великий правитель даже тогда, когда его власть еще не была прочной. В то же время нельзя сказать, что Рашид ад-Дин нарисовал образ фанатичного завоевателя, каким нередко предстает в средневековой литературе Тамерлан (1336–1405). Он не приводит каких-либо высказываний, якобы произнесенных Чингис-ханом, о его желании покорить всю вселенную, о возложенной на него небесной миссии объединить все человечество или о том, что его сыновья обязаны продолжить захват всех известных стран и народов. Вместо этого персидский историк сообщает о Тэб-Тэнгри (Кокэчу), скандальном персонаже «Сокровенного сказания», возможно обладавшем какими-то шаманскими способностями, который от имени Вечного Неба внушал Чингис-хану идеи всемирного господства: «Бог повелел, чтобы ты был государем мира!»¹⁶

Великое будущее Чингис-хана предвидел не только Тэб-Тэнгри. Если верить нашему автору, названный отец Чингиса, Соркан из племени баяут, однажды изрек: «Лица, которые стремятся к государственной власти: один — Улак-Удур из племени татар, другой — Сэчэ-беки из племени кият-юркин и [третий] — Джамукэ-сэчэн из племени джаджират. Эти люди предъявляют великое притязание и стремятся к царской власти, но, в конце концов, во главе станет Тэмуджин и за ним, по единодушию племен, утвердится царство, ибо способностью и достоинством для этого дела обладает он и на его челе явны и очевидны признаки небесного вспомоществования и царственной доблести!»¹⁷ Надо признать, однако, что, судя по контексту, здесь речь могла идти только о власти над кочевыми племенами Монголии. Ни о чем большем в ту пору нельзя было даже мечтать, в связи с чем и к словам Тэб-Тэнгри, прозвучавшим (если прозвучавшим) еще

¹⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 116.

¹⁶ Там же. С. 167.

¹⁷ Там же. С. 177; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 119.

до *курултая* 1206 г., следует относиться критически, ибо понятие о пределах «всего мира» у этого номада и у писавшего о нем спустя век ильханского визиря было, надо полагать, очень разным.

Исходя из универсального принципа «любой сосед по большей части бывает врагом и завистником»¹⁸, Рашид ад-Дин оправдывает агрессию Чингис-хана по отношению к его соседям: государствам чжурчжэней («Хитай») (1115–1234) и тангутов («Кашин», «Тангут») (1038–1227), и облекает ее в форму законной мести, совершающейся, конечно же, с небесного благословения: «В то время, когда Чингиз-хан двинулся на Хитай и выступил на войну с Алтан-ханом, он вознес к престолу господнему покорную мольбу и сказал: “Так как государи Хитая убили Хамбакай-каана, Укин-Баркака и Кадан-бахадура, которые были моими старшими родичами, и учинили над ними жестокость, я иду отомстить за них и прошу у тебя, великий господь, помощи и божественной поддержки!”. После этого он сел на коня и отправился»¹⁹. Более того, чжурчжэньский император якобы «вел себя заносчиво... ждал от Чингиз-хана покорности и повиновения»²⁰; впрочем, он имел на то все основания, поскольку монголы были тогда его данниками, и именно Чингис-хан положил этому предел. Нет ничего неожиданного и в том, что Чингис-хан «воспылал гневом», узнав, что хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад (1200–1220) прибрал к рукам все туркестанские владения наймана Кучлука (?–1218) вплоть до Отрара после того, как монголы ликвидировали этого давнего врага²¹. Поэтому совершенно закономерно виновником монголо-хорезмской войны выставлен хорезмшах²², и определенная доля истины в этом, по-видимому, есть.

Однако недостаточно иметь некий полученный от Неба «карт-бланш» и гарантию поддержки. Важны и личные каче-

¹⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 66.

¹⁹ Там же. С. 42.

²⁰ Там же. С. 66.

²¹ Там же. С. 67.

²² Там же. С. 188–190.

ства. По-видимому, Чингис-хана нельзя назвать превосходящим других своей отвагой, о чем писал еще Л. Н. Гумилев²³. Произведение Рашид ад-Дина также не дает таких оснований, но в нем акцентируются другие черты характера, необходимые степному вождю, прежде всего щедрость: «Благодаря [его] щедрости и щедрости, слава и молва о нем распространилась по окрестностям и в сердцах [людей] зародилась любовь к нему»²⁴. О нем якобы шла молва в степях: «Он государь, пекущийся о [своих] подданных и заботящийся о войске!»²⁵; «Этот царевич Тэмуджин снимает одетую [на себя] одежду и отдает ее, слезает с лошади, на которой он сидит, и отдает [ее]. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус!»²⁶ Как убедительно показал Н. Н. Крадин, это качество имело принципиальное значение для консолидации кочевой элиты вокруг лидера²⁷.

Чингис-хан в нарративе Рашид ад-Дина «эпичен», «монументален». В то же время, то здесь, то там он показан как живой человек, а не легендарный предок, превратившийся в абстрактный символ высшей власти. По-видимому, в значительной степени это произошло благодаря стилю нашего автора, избегавшего перегрузки текста украшениями речи, столь характерными для средневековой персидской историографии, примером чего может послужить сочинение младшего современника Рашид ад-Дина — Шихаб ад-Дина Абдаллаха ибн Фазлаллаха Ширази, более известного как Вассаф (1265–1329). Между тем, сам Чингис-хан, насколько мы можем судить на основании совокупности источников, напи-

²³ Гумилев Л. Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977. С. 490–491.

²⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 65.

²⁵ Там же. С. 89.

²⁶ Там же. С. 90.

²⁷ Крадин Н. Н. Престижная экономика и структура власти в кочевых империях // VIII международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.). Доклады российской делегации. М.: Гуманитарий, 2002. С. 72–78.

санных в разных частях Евразии, отличался простотой характера. Всякого рода церемонии, драгоценности и роскошные одеяния были ему чужды, в чем он походил на своего не менее знаменитого предшественника — вождя гуннов Атиллу (ок. 395–453), равнодушному к богатству и роскоши²⁸. В письме знаменитому даосу Чан-чуню (1148–1227) Чингис-хан подчеркивает свою скромность и неприязнательность, которые, несомненно, получили небесное одобрение и помогли ему справиться с сильными, но развращенными врагами: «Небо отвергло Китай [империю Цзинь. — Ю.Д.] за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей; люблю простоту и чистоту нравов; отвергаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье, одна пища; я в тех же лохмотьях и то же ем, что коровы и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны, взаимная любовь у нас издавна...»²⁹. «Этот человек мужествен, решителен, выдержан, снисходителен ко всем, почитает Небо и Землю, ценит доверие и справедливость», — сообщает о нем, правда с чужих слов, южно-сунский дипломат Чжао Хун³⁰.

²⁸ «Для других варваров и для нас были приготовлены отличные яства, подаваемые на серебряных блюдах; а перед Атилою ничего более не было кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносились чарки золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая, и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий при нем меч, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом, камнями, или чем-либо драгоценным, как водится у других скифов» (Сказания Приска Панийского / Пер. Г.С. Дестуниса // Отдельный оттиск из VI-й книги Ученых Записок, издаваемых Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1860. С. 67).

²⁹ Си ю цзи, или описание путешествия даосского монаха Чан Чуня на запад / Пер. П. Кафарова // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1866. С. 370.

³⁰ Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. С. 49.

Из качеств личности Чингис-хана, о которых мы можем более или менее уверенно говорить на основании данных как Рашид ад-Дина, так и других средневековых авторов, следует назвать уверенность в себе, осторожность, умение разбираться в людях, щедрость, благодарность, интернационализм. Был ли он таковым на самом деле или это всего лишь восхваления, неизбежные в историческом нарративе? Видимо, следует все-таки признать справедливость такого рода оценок, поскольку, не обладая Чингис-хан этими качествами, он едва ли смог бы подняться от изгоя до лидера практически всего кочевого мира.

В «Сборнике летописей» образ Чингис-хана напитан царственной харизмой — тем специфическим свойством отмеченных Небом людей, которым суждено возглавлять государства и вершить великие подвиги. Этот важнейший аспект представлений средневековых монголов о личности «хана всех ханов» подробно рассматривается в трудах Т. Д. Скрынниковой³¹, поэтому мы не будем обсуждать его здесь. Слова Рашид ад-Дина подтверждают выводы исследовательницы о солнечной природе харизмы правителя: «От сияния солнца счастья Чингиз-хана враги рассеялись, словно пылинки в воздушном пространстве»³².

Рашид ад-Дин показывает на многих примерах, как Небо («всевышняя истина») хранило Чингис-хана и помогало ему достигать поставленных задач, какими бы сложными они ни казались. При этом историк иногда смело приписывает своему герою победы, которых на самом деле не было. Например, в 1207 г. Чингис-хан вовсе не «покорил всю» страну тангутов, как заявляет Рашид ад-Дин³³; более того, есть подозрение, что именно тогда он попал к тангутам в плен, но был отпущен, а позже страшно отомстил за этот позор³⁴. Чингис якобы сам однажды изрек:

³¹ Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Вост. лит., 1997. 214 с. (Изд. 2-е: СПб.: Евразия, 2013. 382 с.).

³² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 88.

³³ Там же. С. 253.

³⁴ Дробышев Ю. И. Тангутский плен Чингис-хана // Ориенталистика. 2021. Т. 4. № 2. С. 380–405.

«Поскольку всевышний господь указывает [нам] путь, это [нам] легко удастся»³⁵. Однако, говоря о ранних его годах, историк проявляет объективность и не замалчивает трудные ситуации, в которых тот нередко оказывался.

Чингис-хан не показан как рвущийся к власти. Вместо этого дважды излагается история о том, как хонхотанский Тэб-Тэнгри, о котором мы уже обмолвились выше, внушал ему мысль о даровании ему Вечным Небом владычества над всем миром: «Обычай его [Тэб-Тэнгри. — Ю.Д.] был таков, что он раскрывал тайны, предсказывал будущие события и говорил: “Бог со мною беседует, и я посещаю небо!”. Он всегда приходил к Чингиз-хану и говорил: “Бог повелел, чтобы ты был государем мира!”. И чингиз-ханово прозвание ему дал он, сказав [при этом]: “Повелением бога имя твое таково должно быть!”»³⁶. По словам Рашид ад-Дина, к этому моменту у Чингиса «уже явились наиполнейшие сила и мощь и он стал причисленным к царствованию над миром»³⁷. Впрочем, надо заметить, что Чингис-хан уничтожал или подчинял своих кочевых врагов в монгольских степях не ради последующего мирового господства и всемирной славы, а просто чтобы позволить выжить себе самому и своей семье, и лишь после того, как удача явно стала к нему благосклонна, можно было задуматься о чем-то большем.

В известном эпизоде с «проповедью» Чингис-хана в захваченной им Бухаре он уже сам берет на себя ответственность вещать от имени Неба: «О люди, знайте, что вы совершили великие проступки, а ваши вельможи [бузург] — предводители грехов. Бойтесь меня! Основываясь на чем, я говорю эти слова? Потому что я — кара господня. Если бы с вашей [стороны] не были совершены великие грехи, великий господь не ниспослал бы на ваши головы мне подобной кары!»³⁸. Факт произнесения

³⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 261.

³⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 167. Ср.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 253.

³⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 253.

³⁸ Там же. С. 205.

этих слов не бесспорен, но они в полной мере соответствуют представлениям монголов XIII в. о самих себе и своей небесной миссии, насколько это становится явным из анализа различных, независимых друг от друга источников. В данном случае у нас есть основания поверить в реальность произнесенных Чингисом слов, так как, по-видимому, именно в Бухару было доставлено имущество его каравана, разграбленного в начале 1218 г. в Отраре наместником хорезмшаха.

Из более поздней монгольской литературы известно, что в народном сознании Чингис-хан со временем приобрел свойства демиурга, но можно уверенно предположить, что эта традиция была заложена еще в имперскую эпоху, что не ускользнуло от внимания Рашид ад-Дина. Чингис-хан в его повествовании творит упорядоченный мир из социального хаоса, в котором, по его собственным словам, до него пребывали народы: сыновья не слушали наставлений отцов, жены не следовали повелениям мужей, сильные не покровительствовали слабым, все пренебрегали законами, а «воры, лжецы, враги и [всякие] мошенники затмевали солнце»³⁹. «Вот такие неупорядоченные и безрассудные народы, — пишет Рашид ад-Дин, — как только взойшло счастье Чингиз-хана, подчинились ему, и его чрезвычайно строгая яса водворила у них порядок [джамиши]: тех, кто были мудрыми и храбрыми, он сделал эмирами войска, а тех, кого он нашел проворным и ловким, поручив им стан [угрук], сделал заведующими табунами [галлабан], невежд же, дав им плети, послал пасти скот. По этой причине дело его изо дня в день растет, словно молодой месяц, и с неба силою всевышнего господа нисходит к нему божья помощь, а на земле с его помощью появляется благоденствие»⁴⁰. Трудно поспорить, что обрисованная здесь «кадровая политика» являлась одним из краеугольных камней империи. Чингис-хан вряд ли добился бы успеха, если бы ставил на ключевые посты своих родственников и друзей невзирая на их реальные достоинства — или отсутствие таковых. Вместо

³⁹ Там же. С. 259.

⁴⁰ Там же.

этого, как известно, в его ближний круг попадали совершенно чужие, порой безродные люди, но зато сумевшие доказать ему не только свою безусловную преданность, а также и наличие военных или административных талантов.

Как и подобает основателю могучего государства, Чингис-хан «упорядочил и собрал воедино правила и законы государевы и предпослал обычаи распространения справедливости и попечения о подданных»⁴¹. Речь здесь идет о так называемой *Великой Ясе*. Однако образ Чингис-хана, как законодателя, больше напоминает библейского пророка. В «Сборнике летописей» *Яса* выглядит не как сборник светских законов, а как свод неких сакральных правил, которых не видел никто, кроме потомков Чингис-хана, но которым все обязаны безоговорочно следовать. Неоднократно подчеркивается, что *Яса* не подлежит какому-либо изменению, «переиначиванию», и этим она напоминает ветхозаветные заповеди, моральные императивы, данные Чингис-ханом на века. Не случайно сам он предостерег своих потомков, что если они будут пренебрегать ими, созданное его усилиями государство придет в упадок, и тогда «будут страстно искать Чингиз-хана, но не найдут»⁴². Эта тема стала злободневной в последующие века, когда единства не было даже на монгольских землях, которые к тому же постепенно попадали в зависимость от маньчжуров. Хотя для Рашид ад-Дина Чингис-хан — все-таки не главный персонаж его исторического труда, и частота его упоминаний снижается в частях книги, посвященных его потомкам, его наследие демонстрируется настолько актуальным, что создает иллюзию «вечно живого» Чингис-хана. Постоянные упоминания *Ясы*, в согласии с которой должны были жить и действовать все подданные Монгольской империи, но в первую очередь — сами Чингисиды, усиливают это ощущение.

Помимо *Ясы*, Чингис-хану приписывают мудрые изречения — *билики*, целую подборку которых можно видеть и в книге

⁴¹ Там же. С. 61.

⁴² Там же. С. 260.

Рашид ад-Дина⁴³. Они затрагивают разные вопросы, в основном, государственного управления, и, возможно, по большей части действительно принадлежат Чингис-хану. Упомянем некоторые из них, характеризующие его как государственного деятеля. Заслуживает внимания следующий *билик*, который, правда, производит впечатление апокрифического: «Однажды в молодые годы Чингиз-хан встал на рассвете, а в его чубе [какул] уже побелело несколько волосков. Приближенные задали [ему] вопрос: “О, счастливый государь, возраст твой не достиг еще порога старости, почему же в твоём чубе появилась седина?!” В ответ он сказал: “Так как всевышний господь пожелал сделать меня главою и старейшиною туманов и тысяч и водрузить бунчук [тук] моего благоденствия, то он проявил на мне знак старости, который является знаком старшинства [михтари]”»⁴⁴.

Акцентируется необходимость регулярного выслушивания этих поучений кадровым составом монгольской армии: «Только те эмиры туманов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингиз-хана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своем юрте и не внимают биликам, уподобляются камню, упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, [и] тот и другая бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников!»⁴⁵ К этому примыкает по смыслу следующее высказывание великого хана: «Каждый, кто в состоянии содержать в порядке свой дом, в состоянии содержать в порядке и [целое] владение [мулк]; каждый, кто может так, как это положено, выстроить к бою десять человек,

⁴³ Современные монгольские историки подготовили два сборника изречений Чингис-хана, извлеченных из различных источников: *Нацагдорж Ц.* Чингис хааны сургаалын товчоон. Чингис хааны зарлигийн товчоон. Боть 1–2. Улаанбаатар: Адмон, 2006; *Чоймаа Ш.* Чингис хааны билиг сургаал. Улаанбаатар: Болор судар, 2023. Естественно, не каждое высказывание великого хана можно относить к жанру поучений.

⁴⁴ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 265.

⁴⁵ Там же. С. 260.

достоин того, чтобы ему дали тысячу или туман: он сможет выстроить их к бою»⁴⁶. Воины удостоились отдельного наставления: «Среди [мирного] населения будьте смиренны, как малый теленок, а во время войны кидайтесь в бой, как голодный ястреб, бросающийся на дичину»⁴⁷. Надо заметить, что дисциплина в монгольской армии была строжайшей, и если где-то чинилось насилие над мирными жителями, то только с разрешения военачальников, которые следовали заранее разработанной стратегии, вносившей ясность в вопрос, где и когда следует устраивать кровавую баню, а где необходимо воздерживаться от такого рода эксцессов.

Наконец, один из *биликов* характеризует самого Чингиса весьма негативно, как грубого варвара, но зато уравнивает панегирическую тональность изложения и как бы низводит хана с небес. Как-то раз Чингис-хан спросил у своих приближенных, в чем состоит «высшая радость и наслаждение» настоящего мужчины. Не согласившись с высказанными мнениями, он якобы изрек: «Вы не хорошо сказали! [Величайшее] наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущенного и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, [в том, чтобы] сесть на его хорошего хода с гладкими крупами мерин, [в том, чтобы] превратить животы его прекраснеликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды [“унаб”] сосать!»⁴⁸. Возможно, несколько шокированный собственным рассказом, персидский историк заключает его красноречивым восклицанием: “Да будет мир над людьми мира!”⁴⁹

Рашид ад-Дин повторяет мысль, высказанную до него Джувейни: благодаря согласию и единодушию Чингис-хан и его

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 261.

⁴⁸ Там же. С. 265.

⁴⁹ Там же.

род смогли покорить большинство государств, причем цитирует заповедь самого Чингиса сыновьям: “Пока вы будете в согласии друг с другом, вам будет сопутствовать счастье и враг не одержит [над вами] победы”⁵⁰. Вообще, тема единства получила в монгольской литературе большое развитие, она воспроизводится во многих летописях и дидактических сочинениях XVII — начала XX вв., и нередко связывается именно с поучениями Чингис-хана.

Рашид ад-Дин также приводит важнейшие сведения об обстоятельствах смерти и погребения Чингис-хана, получившие в современной науке большое признание. Среди обилия легенд, затмивших реальность и очень осложнивших поиски его могилы, эти сведения выглядят довольно правдоподобно и указывают на гору Бурхан-Халдун в горной системе Хэнтэя, где, скорее всего, и были скрыты ханские останки. Интересно, что Чингис-хан якобы сам распорядился похоронить его в том месте, где однажды во время охоты под одиночно стоявшим деревом он обрел “некую отраду”⁵¹, которую в свете центрально-азиатских религиозных представлений можно трактовать как снисхождение небесной силы на избранника Неба посредством “мировой оси”, которой здесь является как сама гора (видимо, родовая), так и стоящее на ней одиночное дерево.

Итак, мы имеем основание заключить, что, несмотря на ясно выраженную тенденцию к мифологизации образа Чингис-хана и порой его определенную шаблонность, Рашид ад-Дин изобразил его в своем труде как реальную, цельную, сильную личность, а приписываемые ему высказывания, по-видимому, в значительной части близки к тому, что на самом деле могло слететь с его уст. Несмотря на неизбежную тенденциозность, “Сборник летописей” давно и заслуженно признан научным сообществом как ценнейший и во многом объективный источник. Это же можно сказать и о тех сведениях, которые его автор сообщает о Чингис-хане.

⁵⁰ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 139.

⁵¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 234.

Yu. I. Drobyshev
**The Image of Chingis-Khan in the “Collection
of Chronicles” by Rashid al-Din**

Summary. The article analyzes the image of Chingis-khan, captured in one of the most important sources on the history of the Mongol Empire — the “Collection of Chronicles” by Rashid al-Din. Despite the fact that this work was created several decades after the death of the great khan, information contained in it is generally trustworthy, as it was gleaned from the earlier sources, as well as from the stories of reputable experts on Mongolian antiquity. Being in the service of the Ilkhans, the author predictably did not avoid exaggerating the merits and omitting the shortcomings of his hero. Rashid al-Din created his somewhat idealized image, but at the same time he managed to portray Chingis-khan, who by that time had already turned into a legend, as a real, strong, purposeful personality. Rashid al-Din emphasizes the support of the Higher Powers which Chingis-khan received throughout his life, and convinces his reader that the victories were predicted and the defeat of his enemies was inevitable. The author endows his hero with a number of positive qualities, while portraying his opponents as illegal usurpers. Apparently, the characteristics of Chingis-khan in the “Collection of Chronicles” are close to the truth. They echo information from other sources. The historian also cites the khan’s teachings, which reveal his views on power, and many other materials concerning various aspects of Chingis-khan’s life and activities from his birth to his death.